

БУНТ ЕГОРА БУЛЫЧОВА И ИВАНА КАРАМАЗОВА

В сб.: Максим Горький – художник. Проблемы, итоги и перспективы изучения. Горьковские чтения – 2000. Материалы международной конференции. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. С. 188-193.

Пьеса «Егор Булычов и другие» интересна тем, что конфликт в ней очень сложен: можно выделить три своеобразных «уровня» конфликта горьковской драмы.

Первый из них – это «личная» интрига, столкновение личных, причем сугубо материальных, интересов. Встает вопрос о наследстве Булычова, и члены семьи стараются прибрать его к рукам. Этот «уровень» конфликта наиболее прост, он «лежит на поверхности», но в то же время он обманчив, это своего рода ложный ход, который не ведет в глубь содержания пьесы; действие организуется им лишь внешне, как не раз отмечали литературоведы. Этот конфликт до конца пьесы, по сути дела, не развивается и не разрешается, сам Булычов не защищает своих капиталов: ему все равно, в чьи руки они попадут. Можно сказать, что этот, «материальный», конфликт существует только внутри отдельной группы персонажей: поп Павлин, игуменья Мелания, Варвара, Звонцов, Ксения, – остальных же не затрагивает.

Признавая «материальный» конфликт внешним, наименее значительным, горьковедение выдвигает в качестве главного другой. Это столкновение второго, более глубокого уровня. Булычов переосмысливает всю свою жизнь и понимает, что она прошла впустую. Все, за что он боролся: богатство, крепкое дело и т.д., – не принесло ему счастья. И он злится на себя за растраченные впустую силы и время. Толстовский князь Андрей, когда перед ним завертелась готовая взорваться граната, успел подумать о том, что в этой жизни все-таки было что-то важное, чего он так и не сумел или не успел понять. Такое же чувство испытывает и горьковский герой. Он выражает это словами «жил не на той улице». Иначе говоря, жил не так, как хотелось в глубине души, его жизнь не соответствовала его «натуре». Дело, хозяйство, накопление денег – все это только сковывало его, приближало к людям, которых он презирает, – к таким, как Башкин, например. Как и Игнат Гордеев, Егор Булычов чувствует, что у него была ненастоящая жизнь. Во всей этой пестрой кутерьме было только одно настоящее – любовь к дочери, к Глафире, все же остальное лишь «оковы» для души. Возможно, в словах героя «не на той улице я жил» есть и социальный смысл, который усматривало в них литературоведение

40-70-х гг. (Булычов отталкивается от мира башкиных и стремится к миру Шуры и Лаптева). Но, в принципе, смысл этих слов гораздо шире. Булычов не «деловой человек», по натуре своей он, скорее, «озорник» – человек, не признающий норм, рамок, порядка и т.д. Он ценит непосредственную жизнь, наполненную, настоящую. Вариант Саввы Морозова или «купца-революционера» для Булычова не исключен, но и необязателен, это было бы неправомерным сужением проблематики произведения. Горький в этой пьесе тему революции отодвинул на второй план и при этом сделал далеко далеко не однозначной.

На страницах пьесы несколько раз констатируется, что «революция – будет», но не дается ответ на вопрос о том, хорошо это или плохо, принесет ли это пользу людям, России.

Булычов: Ерунда!... Пропьют государство.

Башкин: Не иначе.

Булычов: Да... А вдруг не пропьют?

Башкин: А что ж им делать без хозяев-то?

Булычов: Верно. Без тебя да без Васьки Достигаева – не проживешь (XIX, 35).

Последняя реплика явно иронична. Видно, что Булычов просто не хочет соглашаться с человеком, который ему крайне несимпатичен. Но все же вопрос о том, принесет ли революция что-либо позитивное, повисает в воздухе, он не разрешен.

Шура, например, говорит: «Мне развращать хочется, мстить ... За то, что я – рыжая, за то, что отец болен ... за все!. Вот когда начнется революция, я развернусь!» (XIX, 29). По сути, ведь эти слова страшны. Для Шуры революция – это возможность реализовать разрушительные, темные инстинкты. О подобных людях на страницах романа «Мать» говорится, что они «небо кровью забрызгают», если им дать волю.

Единственный в пьесе «идейный революционер» – Яков Лаптев. Но он эпизодическое лицо, появляется всего в одной сцене. И эта сцена была введена в текст по настоятельной просьбе П.Антокольского, постановщика пьесы, а в первоначальном горьковском варианте Лаптев был внесценическим персонажем.

Как известно, сначала пьеса называлась «Накануне», что акцентировало внимание на предчувствии революции, на мотиве гибели «старого мира». Но не случайно Горький изменил это название. Заглавие «Егор Булычов и другие» выдвигает на первый план фигуру Булычова и его конфликт с «другими», точнее, не столько конфликт, сколько отличие его от них. Слова «и другие» обычно используются в значении «остальные» при перечислении. Но в данном случае оно

могло быть использовано именно в своем прямом значении: другие по своей сути, не такие, как Булычов, вернее, он не такой, как они. Название «Накануне» акцентирует внимание на событии, а «Егор Булычов и другие» – на характере, что более соответствует драматической природе произведения.

Кроме столкновения материальных интересов и конфликта Булычова с самим собой из-за неверно прожитой жизни, существует в пьесе и конфликт третьего «уровня», гораздо более глубокий и серьезный, чем оба предыдущих. Это **конфликт героя с миром, неприятие самого закона мироздания. Основной вопрос, который мучает Булычова, – это вопрос о том, почему человек смертен? Почему жизнь сначала дается, а потом отнимается у него?**

На замечание Мелании о том, что Булычова не возмущают и не злят попытки родственников завладеть его наследством, он отвечает: «Я злюсь в другую сторону» (XIX, 31). Традиционно эти слова трактовались как признание ошибки (герой злится на себя за то, что неверно распорядился жизнью). Но если обратить внимание на контекст, то можно увидеть в них другой смысл. Булычов говорит: «Я злюсь в другую сторону. Вот давай-ко, поговорим о божьей-то, о господе, о душе» (XIX, 31). «Я наткнулся на острое. Ну, ведь всякому... интересно: что значит – смерть? Или, например, жизнь?» «За что? Все умирают? Зачем? Ну, пускай – все! А я – зачем?» (XIX, 46)

Вопрос о смысле жизни и смерти стоит в центре всей пьесы. Остальные проблемы только в той или иной степени отвлекают героя от него. Но он возникает снова и снова. Булычов, по сути, пытается решить известный пушкинский вопрос:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
И зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

В словах Егора Булычова звучит обида на Всевышнего, он считает, что смерть – несправедливое наказание для человека. Герой понимает, что он грешен («деньги любил, баб люблю»), но, на его взгляд, не более, чем все остальные, он делал то, чего требовали суровые законы действительности: «Конечно, я – грешник, людей обижал и вообще... всячески – грешник. Ну – все друг друга обижают, иначе нельзя, такая жизнь» (XIX, 31). И ему непонятно, почему Бог «отвернулся» сейчас именно от него. Человек осмеливается упрекать Бога: «Какой ты мне отец, если на смерть осудил?» (XIX, 55). «Бог – отказался, не помогает мне!» «Отрекся бог от Егора Булычова» (XIX, 50).

В своем отчаянии, в страхе горьковский герой не обретает веру и надежду, а теряет. Он, по сути, отказывается верить в Бога: «В бога – я не верю. Где тут бог? Сама видишь...» (XIX, 47). Булычов не понимает, как может Бог допускать существование зла (несправедливость, грех, смерть), если он есть. Для него само существование зла в мире есть доказательство отсутствия Бога.

Вопрос Булычова аналогичен вопросу Ивана Карамазова. И в обоих случаях он связан с неверием: Иван колеблется между верой и безверием, Булычов, по сути, тоже (с одной стороны, он постоянно обращается к Богу, с другой стороны, говорит, что не верит в Него). Именно для материалиста проблема конечности человеческой жизни, проблема смысла жизни и смерти решается очень тяжело, в то время как для религиозного сознания ответ ясен. Вспомним, как ответил митрополит Филарет на пушкинское стихотворение «Дар напрасный, дар случайный»:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана.
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

У Егора Булычова, как и у Ивана Карамазова, нет такой твердой опоры в сознании, как вера.

Однако для религиозного сознания, пожалуй, самым трудным является другой вопрос, задаваемый и героем Горького, и героем Достоевского: если есть Бог, то почему существует зло в этом мире?

В пьесе Горького ответа на него никто дать не может, как и сам автор, который, как известно, не был верующим человеком (в общепринятом смысле). Достоевский же в своем романе «Братья Карамазовы» дает такой ответ. Он – в «Легенде о великом инквизиторе». Бог дает людям свободу выбора, но это касается всех: и добрых, и злых; свобода может быть не только прекрасным, но и опасным даром, это две стороны одной медали. Но, лишив людей свободы выбора, взяв их под полный контроль, Бог превратился бы в великого инквизитора – вот где ответ на вопрос Ивана Карамазова. Для Достоевского Бог существует и воплощает в себе безграничную любовь, но Он не управляет людьми, как марионетками.

Есть и различия в самой постановке вопроса Егором Булычовым и Иваном Карамазовым.

Во-первых, Иван говорит в своем монологе в главе «Бунт» о страданиях других, Булычов же ставит вопрос именно о себе лично («...пускай – все! А я – зачем?»). Его заставило задуматься о жизни и смерти то, что он сам оказался в экзистенциальной ситуации, а Иван

по натуре своей философ, решать мировые вопросы – его «призвание».

Во-вторых, Иван ставит вопрос о существовании зла и страданий вообще, а Булычов сужает вопрос: он говорит только о смерти как зле, несправедливости. По сути дела, это вопрос, стоящий в центре философского исследования Н.Федорова «Философия общего дела».

Горьковский герой видит жестокость и несправедливость в том, что человеческая жизнь конечна, то есть в самом принципе мироздания. Ему не нужен такой мир, он противопоставляет себя ему, даже испытывает желание опрокинуть, разрушить его: «Светопреставление! Конец миру... Труби!..» (XIX, 39) – кричит он трубачу Гавриле, пугая всех домашних, радуясь возможности разрушить покой.

Это противостояние человека и мирового закона придает конфликту трагические черты. Горьковский герой предъявляет миру слишком максималистские требования: в нем человек должен быть высшей и святой ценностью, причем именно в земной жизни. И в этом противостоянии с миром Булычов терпит поражение: его цель недостижима.

В финале пьесы его страданий не замечает даже Шура, которая всегда любила и понимала его. Она в этот момент бежит к окну смотреть на демонстрацию. Финальная реплика Булычова: «Эх, Шура...» (XIX, 56) – максимально коротка и в то же время максимально емка. Ее можно произнести с какой угодно интонацией и вложить в нее какой угодно смысл. Принято считать, что в ней – сожаление героя о том, что новая жизнь, которой так жаждет Шура, уже пройдет без него, она не для него. Но возможно, что в ней и упрек дочери, не замечающей, что он умирает, и вообще не понимающей главного вопроса, так мучившего Булычова и так и оставшегося неразрешенным, – вопроса о жизни и смерти.

В драме Горького социальная проблематика лежит лишь на поверхности, глубинный же конфликт является философским. И если у Достоевского в «Братьях Карамазовых» вопрос о Боге и человеке ставится в этической плоскости, то у Горького в «Егоре Булычове» – в онтологической, его герой протестует против самого принципа мироустройства, не понимает, в чем смысл конечной человеческой жизни, не принимает мира, «обращенного спиной» к человеку.